

© 2011 г.

Аркадий Мартынов

доктор экономических наук

заместитель директора Международного научно-исследовательского
института социального развития

(e-mail: socpolamv@mail.ru)

ОБ ОБНОВЛЕННОЙ КОНЦЕПЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Статья посвящена концептуальному аспекту исследования феномена экономической трансформации. Главное внимание сфокусировано на объяснении фундаментальных причин трансформации экономической системы, исходя из широких обществоведческих знаний далеко за рамками традиционной экономической теории. Основной вывод автора: процесс экономической трансформации происходит в значительной мере в результате отображения на него технологических трансформаций, а также ряда внеэкономических и в ограниченной мере институционализируемых процессов – демографических, климатических и др.

Ключевые слова: экономическая система, системная трансформация, концепция, институциональные поля, технологические импульсы, демографическая динамика, климатические перемены.

В нынешних послекризисных условиях в большинстве стран мира на первый план выходят проблемы развития национальных экономик на всю обозримую перспективу первых десятилетий XXI века. Научные исследования все более сосредотачиваются на осмыслении возможностей долговременного развития страны, а не на его отдельных «особых» – переходных или кризисных – периодов. Представляется, что уже немало сделано для понимания таких периодов и есть возможность сделать выводы относительно будущего. Как следствие, объективно усиливается потребность в переосмыслении самой парадигмы экономического развития отдельных стран и всего мирового социума.

О трансформационной парадигме экономического развития. Уместно со всей определенностью констатировать исчерпание неоклассической теории экономического роста в ее традиционном понимании. Главная претензия к этой теории хорошо известна – в работах неоклассиков принимаются слишком упрощающие допущения ради алгебраических выкладок, проводящих к эффективным и, главное, хорошо интерпретируемым результатам. По существу игнорируется сложность реальных взаи-

модействий многообразных процессов, присущих современному экономическому развитию.

В частности, критического переосмысления требует самая известная за последние десятилетия работа в русле неоклассического направления Р. Лукаса, посвященная анализу механизма экономического развития¹. Затраты на технологические инновации отнюдь не производны от затрат на человеческий капитал, как это полагается в упомянутой работе. Между ними, как свидетельствуют многочисленные исследования, нет однозначной зависимости по разным секторам национальной экономики и тем более мировой экономики.

Можно утверждать без всякого преувеличения, что достаточно признанные теории современного экономического развития характеризуются явной структурной доминантой. По сути дела их объектом исследования выступают сложные структурные динамические ряды, фиксирующие изменения технологий, институтов, организаций и самих многообразных ресурсных переменных. По этой причине вполне логичным выглядит обращение к трансформационной парадигме экономического развития. Суть ее заключается в раскрытии феномена экономического развития через призму взаимосвязанных трансформационных процессов, представляющих собой долгосрочные изменения в экономических структурах в пространстве и времени.

В то же время следует констатировать явное отсутствие научного консенсуса в отношении самих основополагающих подходов к исследованиям экономической трансформации.

До сих пор в экономической литературе главное внимание уделяется теме коренных институциональных переломов в виде Великих трансформаций². Наиболее глубоко, по широко распространенному мнению, эта тема исследована в фундаментальной работе Я. Корнаи, посвященной развитию бывшей социалистической системы и обобщению опыта смены бывшего социалистического строя в европейских странах³. В соответст-

¹ Lucas R. On a mechanics of economic development. *Journal of Monetary Economics*, 1988, N.3

² Проблематика корневых институциональных трансформаций, связанных с изменением всего общественного устройства, постоянно освещается в зарубежной экономической литературе. Отметим только недавние публикации: Blyth M. *Great transformations*. Cambridge, 2006; China's great transformations. Cambridge, 2008.

³ Корнаи Я. Социалистическая система: политическая экономия коммунизма. М.: ИП "Вопросы экономики", 2000.

вии с аргументацией автора, главный отличительный признак системной трансформации заключается в кардинальном изменении корневых институтов, к которым относятся институты политической власти, собственности и хозяйственной координации. Именно они, по мнению Корнаи, определяют функционирование остальных звеньев институциональной системы в ходе трансформационных преобразований.

Очень существенно и то, что до недавнего времени в исследованиях коренных институциональных трансформаций основной упор делался на анализе трансформации отношений собственности, притом главным образом в плоскости приватизационного процесса. По существу идеологической основой такого рода исследований выступала известная концепция транзитивной экономики или экономики переходного периода, представленная в работах большого числа зарубежных и отечественных исследователей.

В основе указанной транзитивной концепции лежит допущение о возможности полной имплантации желаемых институциональных образцов извне национальной экономической системы¹. Для этого предполагается использование фактически революционных методов преобразования отношений собственности и других основополагающих социальных институтов.

Сама жизнь показала, что концепция транзитивной экономики оказалась не соответствующей реалиям. Она предусматривала переход к «заданным», как бы извне институциональным образцам развитой западной экономики. Однако реально такой результат не был достигнут, несмотря на огромные экономические и социальные потери. Достаточно только напомнить о разрушительных последствиях экономически не подготовленного приближения к мировым ценам. С позиций сегодняшнего дня очевидной является и неудача такого институционального строительства, которое вело к потере темпов технологического прогресса.

Сторонники концепции переходного периода фактически игнорировали объективную сложность коренного преобразования национальных социалистических систем, возникших в ходе революционной ломки пред-

¹ Эта идея лежала, стоит отметить, и в основе «революционно-большевистской» концепции экономики переходного периода, авторами которой были Н. Бухарин и Г. Пятаков. Как ни удивительно, именно указанная концепция, почти сразу забытая после произошедших бурных событий той эпохи, в первую очередь Кронштадтского мятежа в 1921 году, оказалась востребованной в период радикальных рыночных реформ первой половины 1990 гг.

шествующих общественных отношений, включая капиталистические¹. Как свидетельствуют результаты экономических преобразований на пространстве СНГ, представление о возможности быстрого, полномасштабного окончательного и достаточно гармоничного установления доминирующих в мире либеральных экономических институтов утопично. Это не означает, что следует в принципе отрицать потребность в либерализации тех или иных институтов. Такая потребность будет неизбежно возникать снова и снова на дальнейших стадиях экономического развития, хотя ее трудно в должной мере удовлетворить в рамках ограниченных временных периодов. Процесс трансформации определенной национальной экономики всегда является одновременно и непрерывным, и незавершенным. Важно иметь в виду, что трансформационные сдвиги в любой национальной экономике представляют собой постоянный во времени процесс, неизменно сопровождающий развитие экономических систем. Во всяком случае, пока данная система существует. В ходе этого развития с неизбежностью периодически возникает и потребность в либерализации, хотя всякий раз ее содержание специфично.

Особняком в ряду транзитологических исследований стоят работы представителей немецкого ордолиберализма. В соответствии с их позицией создание конкурентного, действительно рыночного экономического порядка происходит в решающей мере посредством целенаправленных либеральных реформ, приватизации и стабилизационной политики. Правомерность такой постановки доказана на практике в первую очередь опытом послевоенного восстановления ФРГ и экономического развития нынешней объединенной Германии. Вместе с тем в работах современных ордолибералов не дается ответа на главный интересующий нас вопрос – какими будут институциональные итоги развития так называемой переходной экономики определенной страны в случае ее самостоятельного развития?

Необходимость пересмотра транзитологической концепции давно стала понятной. Вполне объяснимо в этой связи появление концептуальной модели «переходных» институтов, принадлежащей Дж. Стиглицу². Однако остается непонятым, в какие институты в будущем превратятся

¹ С общесоциологических позиций несостоятельность концепции «переходного периода» емко раскрыта в резонансной статье В. Ядова: Ядов В. Россия как трансформирующееся общество. Общество и экономика, 1999, № 2..

² Стиглиц Дж. Куда ведут реформы? Вопросы экономики, 1999, № 7.

нынешние «переходные» институты. Так, по мнению того же Стиглица, институты современной капиталистической экономики нуждаются в коренном реформировании и явно не могут выступать в качестве желаемых институциональных образцов¹.

Из всего сказанного следует, что общий изъян указанных транзитологических концепций заключается в отсутствии конкретных непротиворечивых представлений о характере реформируемой экономики, как и в недооценке наблюдаемой-незавершенности процесса трансформации национальной экономики и игнорировании его объективной непрерывности. Неправомерным представляется и искусственное отделение институциональных трансформаций от всех остальных трансформаций, в первую очередь технологических, ресурсных и организационных.

На наш взгляд, более оправдана иная исследовательская парадигма, заключающаяся в трактовке феномена экономической трансформации как трансформации многомерной структуры экономической системы, адекватно отражающей изменение ее состояния. При этом предполагается целостное исследование основных структурных сдвигов – технологических, ресурсных, организационно-поведенческих и институциональных – в органической взаимосвязи друг с другом. Тем самым результаты системной экономической трансформации рассматриваются как последствия структурных сдвигов основных видов. Стоит отметить, что такой концептуальный подход фактически нашел плодотворное применение в конкретных исследованиях. В частности, в исследованиях региональных экономических трансформаций.

Возможно, главное достоинство такой трансформационной парадигмы экономического развития заключается в ее реалистичности. Она соответствует признанным научным представлениям о современной национальной экономике начала XXI века как смешанной многосекторной экономике и экономике различных рынков.

Если закономерности функционирования отдельных рынков относительно хорошо изучены на основе всей мировой практики, то проблема взаимодействия различных экономических секторов, включая те, которые находятся далеко за границами сферы реальной экономики, остается исследовательским «белым пятном», во всяком случае, в рамках превалирующих экономических концепций. Обращение к трансформационной

¹ Доклад Стиглица. О реформе международной валютно-финансовой системы. Уроки глобального кризиса. М.: Международные отношения, 2010.

парадигме экономического развития как раз позволяет восполнить данный пробел.

Именно изменения состояния различных секторов экономической системы, характеризующихся специфическими технологическими, институциональными, ресурсными и организационными структурами, в их взаимодействии друг с другом выступают главным объектом изучения в русле данной трансформационной парадигмы. При этом нельзя не отметить, что исследование трансформационных структурных взаимодействий призвано осуществляться на всех уровнях экономической деятельности, а не только на макроуровне. В частности, это касается исследования структурных взаимодействий в рамках региональных и других кластеров, где достигаются наивысшие конкурентные преимущества на большинстве современных рынков¹.

Экономическая трансформация как процесс системного развития. Несомненно, в экономических системах одновременно происходит огромное число разнообразных трансформаций в рассматриваемом нами и в широком понимании. И можно утверждать, что развитие национальной экономической системы опосредствуют, по крайней мере, три различного рода трансформации: микро-, мезо- и макротрансформации.

Узловой вопрос касается взаимосвязи между микро-, мезо- и макротрансформациями. При определении эмерджентного системного эффекта экономических трансформаций следует исходить как из их многообразия и относительной автономности, так и взаимной обусловленности. С системных позиций совершенно неправильно утверждение о возможности разложения макротрансформаций на отдельные простые составляющие в виде микротрансформаций. Главная причина тому вполне понятна – взаимодействие микроэкономических трансформаций порождает качественно новые эффекты, проявляющиеся в дополнительных экономических сдвигах на более высоких уровнях системной иерархии. Так, в частности, взаимодействие институциональных трансформаций локальных, местных экономик вызывает системный эмерджентный эффект на уровне всей национальной экономики, то есть проявляется во внутрисистемной макротрансформации.

Как известно, наиболее распространенное возражение в отношении трансформационной парадигмы заключается в том, что структурные сдвиги представляют собой средство, а не результат экономического разви-

¹ Портер М. Конкуренция. М.: Международные отношения, 1993.

тия. Это определенно ошибочное мнение, выражающееся в упрощенном понимании извечной исследовательской дилеммы «курица или яйцо».

Как было показано еще в работах В. Леонтьева, рассматриваемые во взаимосвязи друг с другом структурные сдвиги в экономической системе адекватно отражают результаты ее функционирования¹. Для обоснования данного тезиса также вполне уместным представляется обращение к теории структуризации Э. Гидденса², центральное место в которой занимает понятие дуальности социальной и, в частности, экономической структуры. Как следует из этой теории, экономические структуры, отличающиеся свойством дуальности, опосредуют процессы трансформационных сдвигов и одновременно являются их результатами.

Совершенно неправомерно и противопоставление трансформационной концепции и признанных представлений о ценностных критериях экономического развития. Результаты трансформационных перемен во всем их видовом многообразии в полной мере отражают изменение состояния экономической системы, традиционно измеряемого индексами потребительского благосостояния и потенциала будущего развития (ВВП и др.). Более того, эти критериальные ресурсные индикаторы, апробированные в страноведческих исследованиях и при международных сопоставлениях, могут быть непосредственно оценены на основе структурных переменных.

Решающее значение, в соответствии со сложившейся практикой, имеют две группы индикаторов, рассчитываемые относительно конкретного периода трансформации (часто ограничиваемого 5-7-летним сроком). Первая из них включает в себя индикаторы реальных доходов, продолжительности жизни, уровня образования, состояния окружающей среды, распределения культурных ценностей в виде общественных благ и другие индикаторы удовлетворения личных и общественных потребностей. Вторую группу представляют известные индикаторы долгосрочного развития экономической системы. Среди них, в свою очередь, следует выделить индикаторы технологических инноваций, инноваций в передовые знания и человеческий капитал и в целом инвестиций в постиндустриальный сектор.

¹ Леонтьев В.В. Межотраслевая экономика. М., “Экономика”, 1997.

² Гидденс Э. Устроение общества. Очерк теории структуризации. М.: Академический Проект, 2003.

Принципиально важно и то, что долговременные экономические трансформационные сдвиги проявляются в изменении состояния в целом социальной системы, вбирающей в себя экономику как подсистему. Поэтому об успешности трансформации экономической системы конкретной страны следует судить, в значительной степени исходя из неэкономических ценностных критериев, в частности, изменения качества жизни и геополитического положения страны. И можно утверждать, что обновленная концепция экономической трансформации не противоречит теории общественного выбора в ее современной версии¹.

В развитие сказанного уместно сфокусировать внимание на следующей известной коллизии. Целевые ориентиры экономического развития и, тем более, социального развития всегда относительно и точно не «прочитываются» во времени, их неправомерно абсолютизировать. Не менее важно то, насколько эффективными средствами достигаются те или иные цели. Как известно, именно императив всеобъемлющей эффективности выдвигается во главу угла в настоящий период становления новой экономики XXI века, одновременно инновационной и социально ориентированной. О степени предпочтительности траектории трансформации экономической системы правомерно судить, исходя как из целевых индикаторов, так и индикаторов эффективности. И эти две группы индикаторов призваны взаимно дополнять друг друга.

Принципиально важно, что в отличие от традиционной макроэкономической парадигмы трансформационная парадигма как раз предполагает выявление всех значимых эффектов действия факторов трансформационных сдвигов, отражающих изменение состояния экономической системы. В конкретных пространственно-временных границах о степени позитивности траекторий трансформации макросоциальной системы за длительный период времени правомерно судить по изменению эффективности как действующих институтов и организаций, так и используемых технологий и ресурсов. В расчет должны приниматься все многообразные эффекты – технологические, институциональные, ресурсные и организационные, выступающие результатами взаимодействий между структурными (секторными) переменными.

Очевидным примером проявления эффекта структурных (секторных) взаимодействий выступают технологические сдвиги в обрабатывающих отраслях, обусловленные изменением ресурсосберегающих технологий в

¹ Mueller D., ed. Perspectives on social choice. Cambridge, 1997.

добывающих отраслях. Также убедительным примером является эффект взаимодействия сугубо венчурных институтов и общерыночных институтов, исследуемого с помощью методов кластерного анализа¹. Наряду с этим ключевое значение имеют эффекты взаимодействия между структурными переменными разных видов, в том числе технологическими и ресурсными, институциональными и ресурсными.

Но как оценить сами эффекты многообразных структурных взаимодействий в процессе трансформации экономической системы?

Обращаясь к существующим экономическим теориям, можно заключить, что универсального критерия для оценки этих эффектов не существует. Так, однозначно эффекты структурных взаимодействий не могут быть оценены, исходя из неоклассического критерия Парето-оптимальности (к которому сам Вильфредо Парето, заметим в скобках, имеет весьма отдаленное отношение). Главная причина, очевидно, заключается в идеальных, а точнее, просто нереальных допущениях, при которых в соответствии с неоклассической теорией выполняется эффективная аллокация (распределение) ресурсов.

Не существует универсального критерия и для оценки сугубо институциональной эффективности. Так называемый критерий полного контракта, гипотетически учитывающего все договорные обязательства сторон, имеет заведомо ограниченное применение в основном в рамках микрохозяйственной среды. Вопреки расхожим представлениям сторонников неолиберальной доктрины, при любых обстоятельствах эффекты институциональных взаимодействий в рамках многоуровневой экономической системы очень существенно зависят от факторов, обуславливающих неравенство действующих экономических агентов с точки зрения капиталов, доходов и самого положения на рынке (рынках).

Тем не менее, на наш взгляд, выход из положения все-таки существует. Он заключается в оценке эффектов взаимодействий структурных переменных путем выявления объективных каузальных связей между ними. Для этого правомерно, пользуясь методологией общей теории систем, разделить, хотя и весьма условное, всех структурных переменных, отражающих процесс системной экономической трансформации, на «входные» и «выходные». К первым относятся переменные, выступающие с

¹ См., например: E. Balcerowicz, M. Pęczkowski, A. Wziątek-Kubiak. Differentiation of Innovation Behavior of Manufacturing Firms in the New Member States. Cluster Analysis on Firm-Level Data. CASE Network Studies and Analyses. No 394. 2009.

точки зрения исследователя исходными причинами структурных преобразований, ко вторым – переменные, выражающие последствия этих преобразований.

Эффекты взаимодействия выходных и входных трансформационных переменных всегда проявляются в изменении ресурсных выпусков и ресурсных затрат по различным секторам и, в конечном счете, агрегированных индикаторов (благополучия, ВВП и др.) в рамках всей экономической системы. Тем самым исследование эффекта системных трансформационных преобразований оказывается реальным на основе сопоставления результатов и затрат в их ресурсном измерении по всем цепочкам структурных (секторных) взаимодействий, притом с учетом целевых индикаторов развития экономической системы.

В операционном плане такое сопоставление предполагает применение частных критериев эффективности, исходя из специфики отдельных секторов (рынков) как составляющих экономической системы. Несомненно, среди них главную роль играет общеизвестный критерий чистой приведенной стоимости и его многочисленные модификации.

Обозначенный подход, отметим особо, применим и в отношении оценки эффектов сугубо институциональных преобразований. Для этого представляется правомерным сопоставление в конкретном пространственно-временном измерении рыночных результатов и трансакционных затрат на создание и реализацию нужных институциональных условий, в том числе в рамках сугубо двусторонних контрактов.

В конечном счете, последовательное применение трансформационного подхода предполагает квантифицируемое сопоставление результатов и затрат при исследовании конкретных структурных (секторных) взаимодействий в их естественной последовательности, определяемой структурой экономической системы. Таким путем, постепенно, шаг за шагом, становится возможной, по крайней мере, качественная оценка кумулятивных эффектов разнообразных факторов трансформационных сдвигов в экономической системе.

Из всего сказанного можно сделать и заключение о первостепенной значимости исследования динамики традиционных индикаторов ресурсной эффективности для оценки степени позитивности трансформации современной экономической структуры. Всесторонний мониторинг этих индикаторов остается неперемным условием успешной государственной политики.

В контексте обсуждаемой темы представляется бесспорным фундаментальное сходство предлагаемой исследовательской парадигмы со всем известной леонтьевской моделью экономической системы. В первую очередь как модели, непосредственно ориентированной на исследование производственной (ресурсной) эффективности в виде соотношения секторного выпуска и затрат факторов, обуславливающих этот выпуск.

В то же время отличия также принципиально существенны. Межсекторные (межотраслевые) взаимодействия в их обозначенном широком понимании в русле трансформационной парадигмы проявляются не только через потоки производственных ресурсов в виде промежуточного продукта, но и через многообразные транзакционные потоки за пределами реальной сферы. Тем самым в расчет принимается не только производственная эффективность, но и торговая эффективность, и финансовая.

Неадекватным с сегодняшних позиций выглядит и принятое в леонтьевской модели допущение о неизменности производственных технологических способов даже в рамках краткосрочного периода времени. Исходя из трансформационной парадигмы, источниками технологических перемен выступают имманентные внутренние факторы системной экономической трансформации (к этому вопросу мы вернемся далее). Соответственно, эти факторы нельзя не принимать в расчет при оценке эффектов структурных (секторных) взаимодействий.

Теоретические основы обновленной концепции экономической трансформации. Приведенная выше аргументация свидетельствует в пользу концептуального представления феномена экономической трансформации, исходя из формирующейся теории трансформации социальных систем¹. Следуя этой теории, экономика представляет собой важнейшую часть, но только часть (!) социальной системы. Ни экономические изменения, ни изменения другого социетального типа не правомерно рассматривать изолированно в контексте исследования системной трансформации общества. В конечном счете, ее реальную картину выражают комплексные социальные взаимодействия, одновременно проявляющиеся

¹ Ее идейную основу, отметим, представляют теоретическая модель структурной социально-культурной динамики Питирима Сорокина и, конечно, новаторские идеи Карла Полаanyi, представленные в его ставшей знаковой за последние десятилетия книге «Великая трансформация». См.: Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. СПб, РХГИ, 2000, Полаanyi К. Великая трансформация. СПб.: Алетейя, 2002.

в ролях экономических (рыночных) агентов, политических игроков и акторов на других аренах общественных действий.

Наряду с этим для исследования закономерностей трансформационных изменений как нельзя более уместно обращение к современной общесоциологической институциональной теории. В соответствии с ней взаимодействия субъектов (акторов) адекватно отражаются через их деятельность на самых разных общественных аренах, где происходит движение ресурсов и установлены определенные правила – то есть институты¹. По существу институты выступают как ограничения социальных действий в самом широком их понимании. При этом акторы оказывают существенное воздействие на сами институты, приводящее рано или поздно к их модификации или замене на новые.

Тем самым в соответствии с указанной теорией изменение состояния любой социальной системы неизбежно сопряжено с институциональными изменениями, то есть с институциональными трансформациями. Институциональные трансформации непосредственно отражают структурные преобразования определенного общества в конкретном пространственно-временном измерении, проявляющиеся через обычные социальные практики. Действительно, в любой социальной практике формальные и неформальные институты, выступающие в качестве правил распределения (аллокации) ресурсов, тем самым структурируют направления их использования. Более того, институты определяют модели поведения фактических субъектов экономической, политической и других форм социальной деятельности и, в конечном счете, качественную сторону взаимодействий этих субъектов друг с другом.

Применительно к экономической деятельности сформулированное теоретическое представление в полной мере подтверждается на практике в условиях доминирования контрактных, двусторонних и многосторонних, регламентаций в рыночной и некоммерческой сферах. Большинство из них постоянно видоизменяется в сторону усложнения и совершенствования, причем эти перемены в значительной своей массе происходят в соответствии с собственными, автономными тенденциями.

¹ Флигстайн Н. Поля, власть и социальный талант. // Летняя школа “Постсоветское общество: новые методы исследований и модели интерпретации”. М., 1999; Maggio R. Di. The structure of institutionalism. *Journal of institutional and theoretical economics*. 1994, V. 150, N. 4.

Реалистичному характеру трансформационной парадигмы соответствует и переосмысление в русле институциональной теории прежних неоклассических представлений о степени рациональности решений рыночных и других экономических агентов (в том числе представляющих собой крупные организации) в условиях сложной структуры их взаимодействий, характеризуемой разной направленностью интересов и, в частности, оппортунистическим поведением. Речь идет о получившей широкое признание концепции ограниченной рациональности экономического поведения¹.

Опираясь на сформулированные общетеоретические посылки, может быть предложен операционный подход к градации институциональных трансформаций. В первую очередь правомерным представляется выделение в рамках всего социального пространства основных институциональных полей: экономического поля, поля политических действий, статусного, правового и культурного полей. Каждое из названных полей индуцирует свои собственные институты – правила игры, выраженные, прежде всего, в определенных регламентациях. В совокупности они образуют целостный институциональный каркас определенного поля, который, в свою очередь, структурирует движение ресурсов и поведение акторов.

Каждое из институциональных полей характеризуется сложной структурой, которая постоянно трансформируется. Рассмотрим, хотя бы кратко, этот вопрос применительно к экономическому полю. Для кластеризации институциональных трансформаций внутри экономического поля уместно обращение к хорошо известному понятию хозяйственного (институционального) порядка².

Вполне понятным представляется выделение общесистемных институциональных порядков, действие которых распространяется на все экономическое пространство. В первую очередь к ним относится официальный порядок, включающий в себя, в частности, все государственные экономические институты. Обозначенный порядок объективно дополняет официальный порядок, действующий в сфере нерыночного, обществен-

¹ Следует сослаться на знаменитую работу Г. Саймона: Саймон Г. Рациональность как процесс и как продукт мышления. Thesis, 1993, Т.1, №3.

² Уместно напомнить о хорошо известной теории хозяйственных порядков в рамках национальной экономики В. Ойкена: Ойкен В. Основы национальной экономики. М.: Экономика, 1996. Стоит также отметить, что целесообразность структуризации экономики относительно институциональных сегментов давно признана в практике статического учета и экономического анализа.

ного потребления (в частности, включающий регламентации деятельности государственных организаций). Кроме того, и в рыночной сфере, и в сфере общественного потребления действуют теневые порядки.

Очевидны существенные содержательные различия между трансформациями общесистемных порядков. В то же время наличие органичных взаимодействий между этими трансформациями, которые крайне затруднительно представить с помощью традиционных причинно-следственных связей, также не вызывает сомнений.

Наряду с общесистемными порядками объектом конкретных исследований выступают частные институциональные порядки. Обычно к ним относят финансовый, денежный, внешнеэкономический, венчурный и другие подобные порядки. Изменения этих порядков выражаются в секторных институциональных трансформациях, в частности, в институциональной трансформации венчурного рыночного сектора.

В данной связи нельзя обойти вниманием известный феномен экстерналий, а более точно, побочных внутрисистемных экономических эффектов. Он проявляется в существенной перемене состояния сегмента экономической системы, не затрагивающей действующий на нем институциональный порядок, и выступает следствием сдвигов в рамках других внутрисистемных экономических институциональных порядков. Вполне показательный пример такого рода – очень значимое косвенное воздействие на функционирование сектора венчурного бизнеса изменения общерамочных институциональных условий в сопряженном высокотехнологичном производственном секторе.

Наряду с этим в расчет необходимо принимать весомые изменения состояния части, да и всей экономической системы вследствие действия внеэкономических побочных эффектов, не отражаемых через изменения собственно экономических институтов. Эти эффекты постоянно индуцируются происходящими внеэкономическими институциональными трансформациями. Так, на темпы развития любой национальной экономики неизбежно существенное влияние оказывают трансформации политических институтов соответствующей страны, часто не сопровождаемые значимыми переменами экономических институтов. И можно утверждать, что значимость феномена внеэкономических системных эффектов еще более усиливается в настоящих условиях явно противоречивого развития существующих обществ.

Итак, можно констатировать: трансформация в целом экономической системы опосредствуется через взаимодействие разнопорядковых

экономических и внеэкономических институциональных трансформаций. И такое разнообразие структурных динамических процессов объективно отражает сложную многогранную картину развития современного экономического мира.

Институциональная сегментация экономической деятельности позволяет адекватно представить характер взаимосвязи между институциональными, ресурсными и организационно-поведенческими трансформациями. Получается, что любые значимые ресурсные и организационные сдвиги происходят в рамках определенных областей экономической деятельности, где действуют адресные институциональные порядки. Тем самым структурные сдвиги этих видов приобретают конкретную институциональную «кодировку».

Следует признать, что ресурсные, да и организационные сдвиги определенного рода выступают самостоятельными трансформационными пространственно-временными процессами. Они могут происходить относительно автономно и не сопровождаться институциональными сдвигами.

Так, общеизвестен феномен инерционного экономического роста при неизменных институциональных условиях, в первую очередь, связанный с действием механизма потребительского мультипликатора. Именно этот феномен описывают хрестоматийные эконометрические макромоделли, вполне укладывающиеся в русло неоклассической теории.

Хорошо известны и примеры долговременных инерционных структурных трансформаций, практически никак не связанных с серьезными институциональными подвижками. Один из них – развитие бывшей советской экономики в эпоху «застоя», характеризуемого полным превалированием устойчивых инерционных тенденций очень медленных структурных ресурсных изменений.

Однако в рамках долгосрочного горизонта времени рано или поздно ресурсные или организационные сдвиги в современных экономических условиях приводят к качественным переменам, выражающимся в определенных институциональных подвижках. Институциональные «коды» этих сдвигов неизбежно меняются. И начинается формирование соответствующих новых тенденций структурных изменений. Они могут быть как сильно инерционными, так и резко волатильными, как в ходе развития бывшей советской экономики в период «перестройки».

Подводя итог сказанному, можно сделать важный вывод: институциональные изменения в любой экономической системе по существу представляют собой первичные импульсы ее развития соответствующей

системы. Вместе с тем, сообразуясь с признанными обществоведческими представлениями, было бы неправомерно впасть в крайность традиционного институционализма. Институты не определяют все и вся в экономических системах. Первичные импульсы к перемене состояния экономической системы вызывают изменения и вне основных институциональных полей. Институциональные новации в любой экономической системе неизбежно дополняются изменениями, в полной мере не институционализируемыми. Так, общепризнанна ключевая роль технологических инноваций (нововведений) как фактора, иницирующего, в конечном счете, масштабные структурные перемены.

Главный результат инноваций заключается в технологических трансформациях, заключающихся в перемене технологий и в первую очередь технологических производственных способов, на которых зиждется производительный потенциал общества. Именно технологические новации представляют собой имманентный атрибут трансформаций рассматриваемого рода при всем их видовом разнообразии. Наряду с технологическими инновациями, революционными, рутинными и прочими, в современном социуме особенно велика роль инноваций в человеческий капитал. Они обеспечивают распространение новых научных и практических знаний.

Технологическое (инновационно-технологическое) поле является относительно автономным от основных институциональных полей социальных действий (экономического, политического и др.), поскольку деятельность по созданию и распространению новых технологий принципиально отличается от обычных социальных практик. В технологическом процессе первостепенна роль инноватора – творца. Решающая роль в осуществлении технологических прорывов принадлежит самому творческому, не поддающемуся полной институционализации инновационному процессу.

О неправомерности прямого инкорпорирования технологической деятельности в обычные социальные практики очень убедительно написал М. Кастельс: «Конечно, технологии не определяют развитие общества. Но и общество не предписывает курс технологических изменений, ибо в процессе научных открытий, технологических инноваций и их социальных применений вписываются многие факторы, включая индивидуальную изобретательность и предпринимательский дух, так что конечный результат зависит от сложной структуры их взаимодействий»¹.

¹ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ-ВШЭ, 2000, с.29.

Не вызывает сомнений, что процесс применения новых технологий выступает результатом собственно трансформации технологического пространства. В наибольшей мере он проявляется в изменении технологических способов производства и потребления материальных продуктов и нематериальных услуг и самого человеческого капитала как важнейшего фактора экономического развития. Вместе с тем технологические перемены инициируют ресурсные, организационно-поведенческие и, главное, институциональные структурные сдвиги. Особенно явственно это проявляется в изменениях институтов, действующих в венчурном рыночном секторе.

Тем самым составной частью трансформации экономической системы выступает технологическая модернизация, выражающаяся в определенных институциональных, ресурсных и организационных сдвигах. Этот процесс правомерно трактовать как отображение технологической трансформации на экономическое поле деятельности.

Здесь фундаментальный принцип ограниченности экономических ресурсов имеет ограниченное применение. На инновационных рынках не действует традиционный механизм установления цен рыночного равновесия, а доминируют так называемые «поисковые» цены (search cost).

Принципиально важно, что диффузия инноваций может быть сопряжена с весомым позитивным экстернальным – побочным эффектом. Он заключается в попутном, как бы «бесплатном» создании новых научных и технических заделов для экономических агентов, непосредственно использующих соответствующие инновации, для участников инновационных кластеров, целых секторов национальной экономики и всего общества.

В дополнение к сказанному имеет смысл акцентировать внимание на фундаментальном сходстве инновационной технологической деятельности и социальной предпринимательской деятельности¹. Их объединяет ориентация на достижение наилучшего конечного потребительского эффекта от своей деятельности, а не максимизация ее рыночных результатов. И вполне объяснимо, что в большинстве западных стран внедренческие фирмы имеют статус неприбыльных организаций, то есть как раз социальных предпринимателей².

¹ Acocella N. Economic policy in the age of globalization. Cambridge, 2005.

² Innovations for development and the role of government. The World Bank, Wash., 2009.

Также в качестве исходных импульсов трансформационных экономических сдвигов выступают изначально не институционализируемые процессы социальных и определенно не технологических перемен.

Так, существенные сдвиги в структурах экономик целого ряда стран происходили и происходят под влиянием демографической динамики. Как известно, произошедший в 1990 гг. в России демографический кризис обусловил резкое сокращение занятых в целом ряде отраслей экономики, особенно в сельском хозяйстве. Также негативное влияние на экономическое развитие оказывают диаметрально противоположные демографические тенденции. К сожалению, демографические взрывы сопряжены с усилением бедности и экономическим регрессом, как это наблюдается в охваченных системным кризисом арабских странах.

Нельзя обойти вниманием и косвенное влияние демографических процессов на результаты экономической трансформации. Речь идет в первую очередь об огромной, превысившей 3%-ную долю от всего населения планеты, мировой миграции, в наибольшей мере объясняемой демографическими изменениями.

Очень существенное влияние, хотя и до сих пор явно недооцениваемое, на экономическую трансформацию современных стран оказывает и изменение климата. Так, непосредственным последствием ухудшения климата стало сокращение производства сельскохозяйственных культур, влекущее за собой фундаментальные изменения в характере дальнейшей трансформации экономической структуры. Достаточно в качестве примера упомянуть о падении производства зерна в России именно вследствие неблагоприятных погодных условий в 2009 и 2010 гг. – соответственно на 43 и 33 %.

Нельзя игнорировать и то обстоятельство, что число так называемых метеозависимых, нездоровых людей увеличивается с астрономической быстротой. Это влечет за собой качественное ухудшение контингента занятых работников и, тем более, состояния человеческого капитала, что означает ухудшение перспектив дальнейшей экономической трансформации на основе современного постиндустриального типа развития.

Кроме того, все большие обороты набирает экологическая миграция. В ближайшей перспективе, по оценкам авторитетных экспертов, она может достигнуть миллиарда человек. Соответственно, может произойти и кардинальная трансформация всей структуры занятости.

Таким образом, правомерно сделать следующий важный вывод: процесс экономической трансформации происходит в значительной мере в результате отображения на него не институциональных трансформаций

в разных областях социальных изменений за границами экономического поля. В ряду последних первостепенное значение имеют трансформации на технологическом поле, а также ряд внеэкономических (демографических, климатических и др.) процессов, только в ограниченной мере институционализируемых. При этом очень существенной оказывается роль экстернатальных или побочных эффектов, не учитываемых через действие экономических (рыночных) институтов.

Трансформация национальной экономики: внутрисистемные и внесистемные сдвиги. Согласно предшествующей аргументации, развитие любой национальной экономической системы в рамках общего экономического и социального пространств опосредствуют как институциональные, так и технологические и прочие изначально не институционализованные трансформации. Их исследование на уровне экономики отдельных стран должно осуществляться через призму взаимоотношения «национальная экономическая система – окружающие экономическое пространство и социальный мир».

В институциональном контексте обозначенной темы основная проблема, по нашему представлению, заключается в разграничении внутрисистемной и внесистемной, внешней составляющих системной институциональной трансформации национальной экономики и в дальнейшем их артикуляции.

Как отмечалось ранее, во многих исследованиях системная институциональная трансформация национальной экономики рассматривается с позиции изменения ее корневых институтов. К ним принято относить структурообразующие институты собственности и хозяйственной координации. И, видимо, следует согласиться с тем, что отслеживание корневых внутрисистемных институциональных сдвигов, выражаемых в соответствующих изменениях в структуре собственности и в соотношениях между различными зонами действия институтов координации, представляет собой ключевую аналитическую задачу¹.

В свою очередь, для объяснения закономерностей трансформации внутрисистемных корневых институтов логичным представляется обращение к понятию базовых институциональных порядков. В современных реалиях к ним в первую очередь правомерно отнести универсальные порядки саморегулирования и общественной регуляции. Именно они явля-

¹ См., например: Мальгинов Г.В., Радыгин А.Д. Смешанная собственность в корпоративном секторе: эволюция, управление, регулирование. М.: ИЭПП, 2007.

ются базовыми в условиях современной смешанной экономики начала XXI века, играя роль исходных ортогональных векторов, на которые «раскладываются» общие и частные институциональные порядки¹.

Следует согласиться и с тем, что корпоративный универсальный порядок, который принято считать доминирующим в экономически развитых странах мира, в решающей мере является производным от порядков саморегулирования и общественной регуляции как основополагающих². Тем самым трансформация данного институционального порядка предопределяется результатами взаимодействия трансформаций базовых институциональных порядков.

Соотношение по степени значимости базовых институциональных порядков по основным сегментам определенной национальной экономики в значительной мере предопределяет возможности ее дальнейшей трансформации. Игнорирование этого обстоятельства в ходе, казалось бы, быстро реализуемых либеральных реформ приводит, как показывает опыт трансформации в странах СНГ, к негативным результатам.

Вместе с тем, как следует из предшествующей аргументации, исследование внутрисистемной трансформации национальной экономики не должно замыкаться на корневых институтах и базовых институциональных порядках. Для серьезного страноведческого анализа в расчет также необходимо принимать частные специфические и существенно автономные от корневых институциональные трансформации, происходящие в наиболее значимых секторах национальной экономики.

Иной вид трансформации, влияющей на развитие любой национальной экономики, представляет глобализационная институциональная трансформация. Ей сопутствуют трансформационные сдвиги, вызванные институциональными новациями вне определенной национальной экономической системы.

Рассматриваемый трансформационный процесс непосредственно связан со становлением институтов общемирового значения. Каждая из разнообразных частных глобальных трансформаций – торговая, финансовая, миграционная, экологическая и другие – связана с изменением ши-

¹ Этот вопрос достаточно подробно рассмотрен в монографии автора: Мартынов А.В. Трансформация макросоциальных систем в постсоциалистическом мире: методологический аспект. М.: УРСС, 2006.

² Как известно, современное корпоративное управление отличает самостоятельное принятие решений менеджерами, с одной стороны, и исключительная ориентация на достижение общефирменных целей, с другой.

рокого состава значимых институтов. В их числе стоит выделить правила международной торговли, регламентации движения капитала на международных рынках, институты, регулирующие мировые политический и информационный ареалы.

Наряду с общемировым глобальным пространством внесистемная институциональная трансформация затрагивает и региональные пространства (именно поэтому мы используем термин глобализационная, а не глобальная (!) трансформация). Феномен региональной интеграции в последний 50-летний период мирового развития оказался исключительно значимым. Так, очевиден тот факт, что в настоящее время Европейский союз (ЕС) и Организация азиатско-тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) – играют исключительно важную роль на мировой арене.

Глобализационная институциональная трансформация в наибольшей мере также характеризуется изменениями корневых институтов собственности и координации и базовых порядков саморегулирования и общественной регуляции, сопровождаемых относительно автономными изменениями частных институциональных порядков. Правда, нужно отметить, что всестороннего исследования основных направлений институциональных сдвигов на мировом экономическом пространстве до настоящего времени, насколько нам известно, не проводилось.

Бесспорно, глобализационные сдвиги приводят к существенному изменению институциональной структуры каждой современной экономической системы. Но при этом отличия институционального устройства национальных экономик, во всяком случае, подавляющего большинства из них, от институционального устройства, складывающегося в рамках глобализируемого экономического пространства, сохраняются. Современные смешанные национальные экономики на самом деле не являются полностью открытыми. Они включают в себя сегменты экономической деятельности, в их числе военную промышленность и сектор естественной монополии, где объективно неприемлема полная внешнеэкономическая либерализация и неограниченное присутствие иностранного капитала. И такое положение дел сохраняется в случае вступления в ВТО и принятия других международных правил экономического сотрудничества. Пример Китая это воочию подтверждает¹.

Следовательно, можно сделать однозначный вывод: для анализа развития любой национальной экономики необходимо адекватное выявление степени влияния глобализационных институциональных перемен на внутрисистемную трансформацию. Это предполагает доскональное со-

¹ Китай и Россия: социально-экономическая трансформация. М.: Наука, 2007.

поставление во времени и пространстве национальной и наднациональных институциональных экономических структур. В практическом плане по существу требуется сравнение структур собственности, структур цен и других институциональных координирующих структур, а также ключевых секторных институциональных механизмов, в частности, в сфере венчурного бизнеса.

В связи со всем сказанным возникает проблема согласования институциональных перемен разных типов, притом с учетом фундаментального различия между их внутренними и внешними, внесистемными источниками. Она должна быть в центре внимания лиц, ответственных за экономическую политику. Оперативное реагирование на возникающие институциональные рассогласования, как убеждает опыт многих стран, позволяет избежать возникновения глубоких структурных деформаций, обуславливающих долговременное экономическое отставание соответствующей национальной экономики на мировой арене.

Как отмечалось ранее, составным звеном трансформации национальной экономики выступает технологическая модернизация как отображение собственно технологической трансформации на экономическое пространство. Она сопровождается макротрансформационными сдвигами, влияющими на состояние всей экономической системы определенной страны. При этом технологические инновации, вызывающие эти сдвиги, могут происходить как внутри, так и вовне этой системы.

Очевидно, постиндустриальные преобразования в любой стране связаны с мировой технологической трансформацией. Период новейшей истории ознаменован становлением общемировой технологической системы, объединяющей мириады частных видов технологических систем. И можно утверждать, что технологический прогресс неизбежно выходит за границы социальных систем отдельных стран. Как таковых, изолированных технологических макросистем просто не существует. В принципе любая национальная технологическая система является составной частью общемировой технологической системы.

Вместе с тем в полной мере технологическое пространство в рамках отдельной макросоциальной системы не совпадает с общемировым технологическим пространством. Главная причина заключается в ограниченности собственного внутреннего технологического потенциала.

Правда, внутрисистемная технологическая недостаточность может быть компенсирована путем трансферта – импорта технологий и их реа-

лизации, в значительной мере с помощью зарубежного капитала. Однако в современных условиях острой геополитической конкуренции возможность непосредственного заимствования технологических инноваций ограничивается со стороны самих их потенциальных экспортеров, представляющих другие страны. Нет нужды долго говорить и о значимости так называемых «закрытых» технологий, являющихся предметом особой государственной протекции. Как хорошо известно, так называемые «закрытые» технологии, являющиеся предметом особой государственной протекции, продолжают сохранять свое значение. Технологические трансформации, специфические в отношении каждой макросоциальной системы, определенно имеют место. Сказанное касается и наиболее развитых стран, включая США – до настоящего времени мирового технологического лидера.

Наконец, в отношении трансформации любой национальной экономики требуется специально выделять структурные сдвиги, вызванные изначально не институционализированными процессами.

Так, очень весомое влияние на изменения структуры занятости и отраслевой структуры оказывает внутренняя демографическая динамика, о чем свидетельствует ключевая роль демографических прогнозов при разработке национальной экономической стратегии. Впрочем, как показывает конкретный опыт, мировая и региональная демографическая динамика имеет не меньшее значение при оценке перспектив экономического развития многих стран, в их числе России.

Закономерно все большее внимание исследователей привлекают также структурные экономические сдвиги, вызванные усилением экологических ограничений. По сути дела в нынешних реалиях полный эффект значимых региональных хозяйственных сдвигов должен оцениваться, исходя из экологических критериев.

Давно признано, что на уровне национальных экономик и в целом социальных систем отдельных стран требуется нейтрализация негативных последствий рассматриваемых процессов со стороны государственных и в не меньшей степени общественных организаций.

Существующие политические практики в принципе подтверждают сформулированный императив. В частности, нельзя не признать весомым влияние на экономическое развитие государственной политики рождаемости в Китае, Индии и в последнее время в нашей стране. Наверное, можно говорить и о произошедшей за последние десятилетия институционализа-

ции государственной экологической политики в развитых странах мира. При этом давно назрела потребность в осуществлении активной экологической политики на наднациональном уровне, однако в данном направлении наблюдаются весьма слабые реальные подвижки.

О фундаментальных причинах системной экономической трансформации. Наконец, в попытке «дойти до самой сути» резонно задать себе очевидный вопрос: а что лежит в основе самих исходных институциональных, технологических, демографических и прочих импульсов трансформационных сдвигов в экономической системе?

Начнем с институтов. Сообразуясь с эмпирическим опытом, трудно не согласиться с общеизвестным утверждением – сами институты порождают новые институты. Это обусловлено объективной неполнотой институтов современного рынка и в целом современной экономики. Она заключается в недостаточности сложившихся институциональных порядков для обеспечения возникающих новых форм экономических взаимодействий. Заметим, что общеизвестный феномен асимметрии информации тоже является следствием институциональной неполноты.

В чисто теоретическом плане феномен изначальной ограниченности действующих институтов представляется вполне объяснимым. Достаточно обратиться хотя бы к знаменитой теореме Геделя о неполноте. В соответствии с ней полной и одновременно непротиворечивой аксиоматической системы не существует. Применительно к определенным общественным организмам это означает невозможность построения, исходя из априорных императивов, институциональной системы, в полной мере опосредствующей процессы принятия решений социальными субъектами – акторами и обеспечивающей согласование их интересов.

Нельзя не обратить внимания на широко распространенное представление об имманентной спонтанности институциональных сдвигов, исходя из абсолютизации феномена их зависимости от прошлого, представляющей один из краеугольных камней институциональной теории. На самом деле реальная картина трансформационных изменений не так однозначна. Плавные институциональные изменения рано или поздно неизбежно дополняют институциональные мутации (вспомним Ламарка!), по существу вызываемые внешними шоками относительно конкретных экономических систем и, в частности, национальных экономических систем.

Впрочем, многие приверженцы современного институционализма фактически отождествляют процессы эволюции и развития, как бы ис-

ключая из рассмотрения «особые» случаи социальных революций. Уместно процитировать следующее емкое высказывание одного из пионеров этого научного направления Дж. Ходжсона: «Экономическая эволюция не протекает по классической дарвиновской схеме, при которой изменения происходят из поколения в поколение при типичном равновесии, а форма организма постепенно изменяется во времени. Вместо этого она идет путем следующего одним за другим периодов устойчивости и кризиса, видимого равновесия и нарастающей нестабильности»¹

Признание неспонтанности в целом процесса исходных институциональных перемен наводит на мысль, что нужен поиск решения поставленной проблемы далеко за пределами собственно экономической теории. Уместным представляется обращение к общесоциологической теории, а точнее, к ее центральному понятию противоречия, восходящему еще к Гераклиту и Аристотелю².

В соответствии с основной гипотезой, исходные причины институциональных изменений обусловлены объективными противоречиями между структурными составляющими социальной системы или структурными противоречиями. Это противоречия между частями целого, столкновение интересов разных социальных групп в широком понимании и, соответственно, противоборство представляющих эти группы социальных акторов.

Исходя из современных обществоведческих представлений, существующие структурные противоречия экономического, статусного, политического, правового и культурного характера выражаются в рассогласовании ожидаемых действий различных институтов как составляющих институциональной структуры экономической системы³. Как следствие, возникает потребность в нейтрализации этих рассогласований посредством необходимых сдвигов в институциональной структуре, то есть в результате институциональных трансформаций.

¹ Ходжсон Дж. Экономическая теория и институты. М.: Дело, 2003, с. 119.

² Стоит обратить внимание на следующее обстоятельство. Речь идет о противоречиях в их сугубо общесоциологической трактовке. А не о диалектических противоречиях в духе гегелевской философии, в частности, отличающих методологию отечественной политической экономии социализма. При этом вопрос о том, объясняется ли изменение самих структурных противоречий диалектическими закономерностями остается открытым.

³ Этот вопрос обстоятельно рассмотрен в работе Э. Гидденса: Giddense A. A contemporary critique of historical materialism. Vol. 1. Berkeley, 1983.

Очевидно многообразие структурных противоречий, объясняющих исходные институциональные перемены в качестве источника экономического развития. В большинстве своем эти противоречия являются частными противоречиями, проявляющимися в рассогласованиях между отдельными экономическими институтами, притом в основном в рамках одного или двух сопряженных частных институциональных порядков. Наглядный пример тому – структурное противоречие между объективно консервативными институтами контрактного страхования и быстро изменяющимися правилами игры на рынке недвижимости.

Особую значимость в настоящих реалиях приобретают частные противоречия, обуславливающие рассогласование институтов в сфере венчурного бизнеса. Такого рода рассогласования, судя по результатам страноведческих исследований, крайне существенно замедляют технологическое обновление конкретных национальных экономик.

В то же время в сложной экономической системе, наряду с частными противоречиями, всегда имеют место общесистемные или фундаментальные структурные противоречия. Именно фундаментальные противоречия объясняют изменения корневых институтов и базовых институциональных порядков, на основе которых складывается вся совокупность существующих официальных и неофициальных регламентаций поведения экономических агентов.

В контексте сказанного нельзя не коснуться хотя бы кратко вопроса о взаимосвязи между частными и общесистемными структурными противоречиями. В соответствии с принципом системности фундаментальные противоречия всегда влекут за собой многочисленные частные противоречия на всех уровнях экономической иерархии. В противоположность этому, сами по себе частные противоречия не вызывают возникновения фундаментальных противоречий и, соответственно, рассогласований в корневых институциональных порядках. Как известно, локальные кризисы могут практически не влиять на состояние всей экономической системы.

Огромное число фактов свидетельствует о том, что в условиях устойчивой институциональной стабильности в экономической системе преодоление частных институциональных рассогласований возможно путем инкрементальных, то есть исключительно «рутинных» пошаговых трансформаций. Их принято полагать эволюционными, выражающимися в обычных, совсем не кардинальных сдвигах в институциональной структуре экономической системы.

В то же время в случае отсутствия долговременной институциональной стабильности разрешение структурных противоречий рассматриваемого рода неизбежно сопряжено с дискретными изменениями в структуре частных институциональных порядков. Они могут быть названы деэволюционными.

Очевидно, нет нужды повторять общеизвестные сентенции по поводу фундаментальных противоречий мирового развития, проявляющихся в отношениях симбиоза и одновременно антагонизма между основными экономическими субъектами, или акторами в институциональном понимании этого термина. Мировой экономический кризис 2008–2009 гг. воочию вскрыл глубокие институциональные изъяны большинства финансовых рынков и глобального рынка капитала, обуславливающих хроническую неустойчивость складывающейся глобальной мировой экономической системы. При этом явно не самодостаточными оказались институциональные устройства экономик отдельных стран, интегрированных в глобальную капиталистическую систему. В частности, финансовые системы ряда европейских стран – Ирландии, Исландии, Португалии, Греции, Латвии – оказались неработоспособными, для их восстановления потребовалась и до сих пор требуется огромная международная помощь.

По широко распространенному мнению, наиболее значимое на настоящий момент фундаментальное структурное противоречие, присущее глобализируемой экономике, заключается в исключительном доминировании крупного корпоративного капитала в основном в лице крупнейших банков и транснациональных нефинансовых компаний над всеми остальными субъектами предпринимательства. Такое изначальное экономическое неравенство означает недостаточную мотивацию для большинства этих субъектов.

Также неоспоримо велика значимость фундаментальных структурных противоречий, проявляющихся в глубоких региональных и мультирегиональных институциональных различиях. Многие страны «третьего мира» так и остались на обочине мирового развития, будучи не в состоянии добиться необходимого экономического роста и приемлемого по современным меркам уровня благосостояния. Именно об этом свидетельствуют последние кризисные потрясения на Арабском Востоке, вызванные резким усилением бедности в результате беспрецедентно высокого удорожания продовольственных продуктов и жизненно необходимых услуг.

Во многих странах и в первые десятилетия XXI века по-прежнему сохраняет свою остроту противоречие между трудом и капиталом, на которое главный упор до сих пор делают представители марксистского вероучения. Правда, только в особых случаях, вопреки марксистским воззрениям, это противоречие принимает антагонистический характер в виде прямого социального конфликта.

Принципиальное значение имеет следующее обстоятельство. Фундаментальные противоречия экономического развития проявляются в долговременных структурных деформациях.

Сказанное может быть проиллюстрировано на примере экономики постсоциалистической России. Как известно, одним из наиболее значимых последствий радикальной рыночной реформы 1992 года оказались фактическая приватизация зоны естественной монополии и одновременно резкое повышение относительных цен на сырьевые ресурсы, особенно энергетические. С этого момента энергетический сектор стал тормозом развития несырьевых реальных секторов российской экономики.

Вполне очевидным представляется объяснение обозначенного феномена. В явном виде имело место проявление фундаментального структурного противоречия, выразившегося в рассогласовании корневых институтов собственности и координации в сырьевом и остальных реальных секторах в рамках рыночно незрелой экономической системы. Отличительной чертой российской экономики выступало доминирование корпораций, связанных с распределительными коалициями (группами с особыми интересами) и служащих интересам явно олигархического капитала.

В дальнейшем для преодоления такого положения дел потребовались жесткие решения в области налогового и административного регулирования энергетического сектора (их обсуждение, конечно, выходит за рамки данной статьи). В результате была достигнута приемлемая стабилизация относительных цен на энергоресурсы, а существенная часть доходов от экспорта этих ресурсов перераспределена на общенациональные нужды. Вместе с тем специфическая «голландская болезнь», связанная с крайне расточительным расходованием экспортных доходов от экспорта энергетических и других первичных ресурсов, остается знаковой чертой отечественной экономики.

Как показывает обширный конкретный опыт, и негативное проявление фундаментальных противоречий может быть в значительной степени нейтрализовано посредством постепенных инкрементальных институ-

циональных подвижек, в которых активное участие принимает государство как все-таки главный субъект экономической политики. Но в большинстве случаев преодоление фундаментальных противоречий сопряжено с вмешательством государства и дискретными сдвигами в институциональных, ресурсных и организационных структурах.

Итак, можно констатировать, что трансформационный процесс в экономической системе опосредствуют как плавные пошаговые изменения эволюционного характера при сохранении заведомой институциональной стабильности в экономической системе, так и дискретные сдвиги, связанные с активным вмешательством государства и других субъектов общественной регуляции по определенным направлениям экономического развития.

Возможно ли утверждение институциональных механизмов, обеспечивающих плавное преодоление фундаментальных структурных противоречий без глубоких дискретных перемен в результате целенаправленного вмешательства государства и других субъектов общественной регуляции?

Теоретически, да. Тогда популярная в академических кругах синергетическая парадигма, интерпретируемая в духе ее создателей – И. Пригожина и Г. Хакена¹, может стать главенствующей в ряду всех известных парадигм развития экономики и общества. Однако в обозримой перспективе такая метаморфоза выглядит маловероятной на фоне нынешнего состояния мировой экономики и всего мирового социума, балансирующего на грани острых кризисных потрясений. Все более неотложными становятся глубокие реформы глобального масштаба, сопряженные с заведомо дискретными институциональными изменениями. Наиболее значимыми объектами такого реформирования, по широко распространенному мнению, выступают финансовая институциональная система и институциональные механизмы преодоления бедности и экологического регулирования.

Перейдем теперь к другому основополагающему источнику экономического развития – технологическим инновациям. До настоящего времени в экономической литературе главное внимание принято уделять

¹ Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М.: Прогресс, 1986; Хакен Г. Синергетика. Иерархия неустойчивостей в самоорганизующихся системах и устройствах. М.: Мир, 1985.

эволюционным технологическим изменениям¹. Они базируются на так называемых рутинах, под которыми понимаются сложившиеся исходные принципы, своего рода гены, технологического поведения экономических агентов, в первую очередь производственных фирм. Изменение рутин происходит на уровне самих фирм и носит недетерминированный, недискретный характер, в связи с необходимостью адаптации к условиям рыночного конкурентного противостояния.

Частично соглашаясь с обозначенной основной линией аргументации представителей экономического эволюционизма, нельзя не признать, что в современном мире дискретные, заведомо не микроэкономические технологические сдвиги тоже происходят и имеют огромное значение. Это объясняется хотя бы феноменом широчайшего заимствования открытий, ставшего возможным в современном информационном пространстве. Оно происходит не только из пограничных областей, но и из принципиально иных областей знания. Нельзя не принимать в расчет и внеэкономический феномен развития новых военных технологий, находящихся под исключительной протекцией государства.

В ближайшей перспективе следует ожидать революции в биотехнологиях и других кардинальных переворотов в этой сфере человеческой деятельности, наподобие произошедшей информационно-технологической революции. Их главными причинами выступают опять-таки противоречия технологического развития. Внутрискруктурные противоречия в самой технологической сфере деятельности возникают между ее внутренними структурными составляющими. В первую очередь выделяют фундаментальные структурные противоречия между качественно различными базовыми технологическими укладами, а также частные противоречия между уровнями технологии различных, особенно сопряженных, производств. Именно проявление этих структурных противоречий, в конечном счете, продуцирует выбор конкретных технологических идей и решений в сфере научных исследований.

Правда, стоит отметить, что в последнее время все большее признание получает альтернативный подход к исследованию глубинных закономерностей технологического развития на основе теории синергетики. С позиции этой теории появление и утверждение новых научных идей интерпретируется как процесс случайных блужданий, характеризуемый по-

¹ Нельсон Р., Уинтер С. Эволюционная теория экономических изменений. М.: Финстатинформ, 2000.

стоянными перерывами постепенности в виде так называемых точек бифуркации.

Впрочем, в ракурсе экономической проблематики главный вопрос, конечно, в другом. Вероятно, он может быть поставлен таким образом: каковы исходные причины, объясняющие результаты диффузии технологий в конкретной экономической системе как последствий взаимодействия технологических инноваций и институциональных изменений, в первую очередь на венчурных рынках?

Насколько нам известно, удовлетворительного ответа на поставленный вопрос в рамках самой экономической теории до сих пор не найдено. В то же время в русле развиваемой междисциплинарной трансформационной парадигмы самый общий ответ представляется достаточно очевидным: препятствия на пути рыночной реализации технологических инноваций объясняются взаимным проявлением разнородных противоречий, выражающихся как в рассогласованиях венчурных и других институтов, так и в технологических расстыковках. И именно преодоление этих противоречий выступает движущей силой инновационного развития в реальных рыночных координатах, главным индикатором которого выступает динамика соотношения между новыми и старыми технологиями в экономической системе.

Первостепенную значимость анализ отмеченных структурных противоречий, предопределяющих основные направления технологических изменений в рамках определенной национальной экономики, приобретает в случае ее порядкового технологического отставания от экономик других стран. От правильности определения исходных причин такого отставания зависит успех всей политики государства на поприще догоняющей модернизации. При этом такой политический курс неизбежно, как уже отмечалось, предполагает осуществление дискретных перемен, в значительной мере инициированных активной государственной политикой.

Наконец, необходимо хотя бы кратко коснуться исходных причин демографических и других изначально не институционализированных процессов. По сути своей эти процессы являются «естественными», экзогенными по отношению к любой экономической системе. И вполне показательно, что для их прогнозирования в настоящее время широко используются модели, заимствованные из естественнонаучных дисциплин¹.

¹ См., например: Садченко К.В. Законы экономической эволюции. М.: Дело и Сервис, 2007.

В то же время очень непростая проблема заключается в объяснении результирующего влияния на состояние конкретной экономической системы рассматриваемых процессов, на которые оказывают корректирующее воздействие в чистом виде процессы институциональных изменений, притом целенаправленно регулируемые. А это, в свою очередь, предполагает выявление структурных противоречий, обуславливающих институциональные несовершенства демографической политики, экологической деятельности и целого ряда других направлений общественной регуляции.

Главная сложность здесь, по всей видимости, заключается в адекватном определении потребности в соответствующих направлениях общественной регуляции, из-за очень существенного риска ошибочного предсказания рассматриваемых процессов, экзогенных относительно экономических систем. Как показывает опыт последних десятилетий, «плавной» политики государства в области демографии и экологии пока не удастся добиться в большинстве стран мира. А на планетарном уровне потребность в масштабных дискретных институциональных сдвигах, обусловленных необходимостью разрешения демографических и эколого-климатических проблем, становится все более неотложной.
